

СЕМИСТРЕЛЬНАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

(26 августа)

На Семистрельной иконе Пресвятая Богородица изображается без Богомладенца, склонившей голову к плечу и пронзенной в грудь семью стрелами или мечами: четыре с левой стороны и три с правой. Написана она на слова пророчества святого праведного Симеона, произнесенные в Иерусалимском храме в сороковой день по Рождестве Христовом: «Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, и Тебе Самой оружие пройдет душу».

Такое изображение Божией Матери еще встречается на иконе «Умягчение злых сердец», или «Симеоново проречение», на которой только мечи расположены несколько иначе: по три справа и слева симметрично, а седьмой – снизу.

Икона происходит из Тошенской Иоанно-Богословской церкви в окрестностях Вологды на берегу реки Тошни и имеет древнее происхождение (в изданиях XIX века указывается, что ей не менее 500 лет). Чтимый образ был написан на холсте, наклеенном на доску, что позволяет датировать его XVIII веком (возможно, он был сделан с неизвестного образа XVII века). Долгое время икона находилась на колокольне храма и была обращена ликом вниз, из-за чего ее принимали за обыкновенную доску. Прославилась она после чудесного исцеления одного крестьянина Кадниковского уезда, много лет страдавшего общим расслаблением и хромотою. Во время сна ему было сказано, что если он посетит Иоанно-Богословский храм и найдет на колокольне икону Божией Матери, то, помолившись пред нею, получит исцеление. Два раза он приходил и, передавая свой сон, просил впустить его на колокольню; но ему не верили и отказывались исполнить его просьбу. Наконец в третий раз помилосердовали о нем и пустили его на колокольню. Здесь он тотчас нашел святую икону, виденную им во сне: она заменяла место доски, по которой проходили на повороте лестницы. Найденную им икону обмыли от сора и птичьего налета, покрывавших ее. Больной крестьянин просил отслужить пред нею молебен и получил исцеление.

Особенно прославилась Семистрельная икона исцелениями в 1830 году во время свирепствовавшей в Вологде холеры.

После 1917 года икона исчезла из Иоанно-Богословской церкви, и местонахождение ее неизвестно, однако списки с этой чтимой иконы есть во множестве храмов. Верующие просят перед образом о примирении враждующих и избавления от жестокосердия.

**Тропарь Божией Матери пред иконой Ее «Умягчение злых сердец»
(Семистрельная)**

глас 5

Умягчи наша злая сердца, Богородице, и напасти ненавидящих нас угаси, и всякую тесноту души нашея разреши, на Твой бо святой образ взирающе, Твоим страданием и милосердием о нас умиляемся и раны Твоя лобызаем, стрел же наших, Тя терзающих, ужасаемся. Не даждь нам, Мати Благосердая, в жестокосердии нашем и от жестокосердия ближних погибнути, Ты бо еси воистину злых сердец умягчение.

Кондак

глас 2

Благодатию Твоею, Владычице, умягчи сердца злодеев, низпосли благодетелей, соблюдающих их от всякаго зла, благомолящимся Ти усердно пред честными иконами Твоими.

ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОДОСИЙ ПЕЧЕРСКИЙ

(27 августа)

Преподобный Феодосий – ученик преподобного Антония Печерского, выдающийся наставник иноков, один из основателей первого общежительного монастыря на Руси – Киево-Печерской лавры. Родился Феодосий в начале XI века в местечке Василеве близ Киева. Его отец, принадлежавший к военному сословию, был переведен в Курск, где прошло детство и юность преподобного.

Феодосий уже в раннем возрасте почувствовал влечение к подвижничеству, часто посещал храм, со вниманием слушал чтение

Священного Писания, носил скромную «худую» одежду. Сам упросил своих родителей отдать его для обучения грамоте и, при отличных способностях и редком усердии, быстро научился чтению, так что все удивлялись разуму отрока. Однажды, стоя в храме на богослужении, Феодосий услышал слова о том, что кто любит отца или мать больше Христа, тот не достоин Его. Эти слова глубоко запали в его добрую, повзрослевшую душу, он покинул родительский дом и отправился в Киев.

Прибыв на место, Феодосий обратился в несколько обителей, но получил отказ из-за своего юного возраста и бедной одежды. Тогда он услышал о подвизавшемся неподалеку пещернике Антонии, незамедлительно отправился к нему и стал слезно упрашивать взять его к себе. Преподобный Антоний пытался его отговорить, мол, ему, еще юному, неокрепшему духовно человеку, будет трудно жить среди мрачных безмолвных пещер. Однако Феодосий проявил твердость, выразил готовность переносить тяготы и скорби отшельнической жизни. Антоний же, видя в нем сосуд Духа Святого, дал свое отеческое благословение. В 1032 году Никон, по указанию старца, постриг Феодосия в иночество, на двадцать четвертом году его жизни.

Молодой инок ревностно исполнял послушание, много и охотно молился, соблюдал бдения и посты, трудился в обители более других и нередко брал на себя часть трудов братии: носил воду, рубил дрова, молот рожь. В храм он являлся прежде остальных и, став на одном месте, не сходил с него до окончания богослужения. В Житии преподобного подчеркиваются его нравственные добродетели: «смиранный смысл и послушание», «смирение и кротость». Даже став игуменом, подвижник не изменил своего нрава: «не бо николи же бе напраси, ни гневлив, ни яр очима, но милосерд и тих». Святой оставался мягким даже по отношению к нарушителям монастырских правил, он не наказаниями, а «притчами» стремился вразумить таких нарушителей и привести их к раскаянию.

В 1054 году Феодосий был рукоположен в иеромонаха, а в 1057 году избран игуменом Киево-Печерской лавры. В период игуменства в 1060–1062 годах он организовал постройку деревянного здания монастыря, куда и перешли все его тогдашние насельники числом около ста человек. При Феодосии в Печерском монастыре был принят принесенный из Константинополя общежительный студийский устав, заимствованный позднее многими русскими монастырями, основана первая церковная библиотека на Руси – библиотеки Киево-Печерской лавры.

Все совершаемые в обители богослужения и жизненный уклад монахов соответствовали строгому чину и распорядку. Сообразно одному из правил, надлежало держать монастырские ворота закрытыми от обеда до вечерни и не открывать их (без особого благословения) ни для кого. Однажды князь Изяслав испытал это правило на себе, когда, придя с отроками перед

вечерней, вынужден был ждать, пока привратник (знавший, что перед ним – именно князь), не доложил игумену и не получил разрешения его пропустить.

Феодосий нередко лично участвовал в монастырских работах, вместе с монахами. Трудился в пекарне, носил воду, рубил дрова. Преподобный игумен прославился своим аскетизмом: вкушал только сухой хлеб и вареную зелень без масла, ночи проходили у него без сна в молитве, носил ветхое рубище, которое, по словам составителя его жития Нестора, «сияло на нем как честная багряница царская». В этом нищем старце нельзя было узнать знаменитого игумена. Так, однажды преподобный возвращался от великого князя Изяслава. Возница, еще не знавший его, сказал грубо: «Ты, монах, всегда празден, а я постоянно в трудах. Ступай на мое место, а меня пусти в колесницу». Святой старец кротко послушался, сел на коня, а возница улегся спать. Всю ночь они так и ехали. Когда Феодосия одолевала дремота, он шел рядом с конем. Наутро, увидев, как преподобному кланялись, сходя с лошадей, встречные бояре, слуга испугался, но святой подвижник успокоил его и, по приезде, накормил в монастыре и, щедро одарив, отпустил с миром.

Великие князья любили наслаждаться духовной беседой Феодосия, а святой не страшился обличать сильных мира сего. После того, как князь Изяслав был изгнан из Киева Всеволодом и Святославом, святой Феодосий стал обличать последнего, завладевшего престолом изгнанного брата. Первое время он продолжал поминать в церковных молитвах Изяслава, а Святослава – отказывался. Но потом, по ходатайству братьев, за внимание и помощь Святослава Церкви, стал поминать. Впоследствии их отношения наладились.

Как-то раз игумен Феодосий, посещая Святослава во дворце, услышал громкую музыку и песни. Сев рядом с князем, преподобный с добрым чувством и пастырским смирением спросил, а будет ли так и на том свете? Князь прослезился и приказал, чтобы впредь в присутствии святого такой музыки не звучало.

Незаконно осужденные всегда находили в нем заступника, и судьи пересматривали дела по просьбе чтимого всеми игумена. Особенно заботился преподобный о бедных: построил для них в монастыре особый двор, где любой нуждающийся мог получить пищу и кров.

Перед Великим постом Феодосий обычно уходил в затвор на всю четырехдесятницу. Затворяясь в пещере, он брал с собой немного хлеба, а дверь снаружи засыпали землей, и братия монастыря общалась с ним только по крайней нужде через оставляемое небольшое оконце, и то только в субботу или воскресенье.

Скончался Феодосий в 1074 году после непродолжительной болезни. Перед смертью он попросил похоронить его ночью в той пещере, где он совершал свой затвор во время Великого поста. Его просьба была выполнена. Не позднее 1088 года преподобный Нестор Летописец написал первое житие преподобного Феодосия.

В 1090 году игумен и братия лавры решили, что тело Феодосия необходимо перенести в основанную им церковь. За три дня до праздника Успения монахи начали раскапывать могилу и были обнаружены нетленные мощи Феодосия, как повествует Нестор — «власы только притяскли к голове». Перенесение мощей преподобного в церковь было совершено в праздник Успения Богородицы при стечении многих епископов и игуменов киевских монастырей. Во время татарского нашествия мощи преподобного Феодосия были положены под спуд у западных дверей храма, где и находятся по настоящее время.

Из литературного творчества преподобного Феодосия сохранились шесть поучений, два послания к великому князю Изяславу и одна молитва.

Святитель Тихон Задонский об отношении к ближнему

(память свт. Тихона совершается 26 августа)

Когда хотим Богу угождать, то не должны ближнего нашего презирать и отвращаться от него, но миловать его и в нуждах его помогать.

Примечай, христианин:

1. Все друг другу – ближние: начальники и их подчиненные, пастыри и их люди, родители и их дети, мужья и их жены, господа и их крестьяне, продающие и покупающие и всякий человек другому человеку. Я тебе, а ты мне ближний. Поэтому каждый христианин должен другому воздавать то, чего сам Бог, и вера его, и любовь, и должность христианская, и закон Божий написанный, и сама его совесть от него требует. Ибо это все к одному сводится и к одному завершению, то есть к нашему блаженству, стремится.

2. Если христианин не воздает своему ближнему того, что должен, тогда перед ближним своим согрешает. Согрешая же перед ближним своим, согрешает и перед Богом, так как заповедь Божию нарушает.

3. Человек, согрешая перед ближним своим, более вредит себе, нежели ему. Ему телесно вредит, себе же душу повреждает. Ему телесную и временную беду причиняет, а душе своей – вечную. Его лишает телесного и видимого добра, а свою душу невидимого добра лишает. Его прельщает и обманывает, а сам диаволом уже прельщен и обманут. Над ним смеется, или ругается, или клеветает на него, а себя уже отдал на посмеяние, поругание и клевете дьявольской, и прочее...

4. Совесть с законом Божиим сходна, как видим. Что закон Божий возбраняет, то возбраняет и совесть. За что закон Божий обличает, за то обличает и совесть. Устрашает закон Божий грешника судом Божиим, слышит то же грешник и в своей совести. Показывает и хвалит закон невинность невинного человека, то же он чувствует и в совести своей. Согрешая же против совести, человек согрешает и против закона Божьего, а поступая согласно и сходно совести своей, делает согласно и сходно закону Божьему. Поступай же, христианин, так, как совесть христианская требует, и будешь согласно закону Божьему жить. И поэтому люди доброго человека называют совестливым, а злого – бессовестным.

Совести и закону Божьему сходно правило: «Чего не хочешь себе, того не делай и ближнему». Этому правила держись, христианин, и не погресишь в обхождении с ближним твоим. Что возбраняет оно, то возбраняет совесть и закон Божий. Не хочешь, чтобы кто-либо тебя обидел, здоровье и жизнь у тебя отнял, что-нибудь у тебе похитил и украл; не хочешь, чтобы кто то тебя обманул в чем-нибудь; не хочешь, чтобы худую вещь за добрую, одну за другую, гнилую за хорошую, дешевую за дорогую продал; не хочешь, чтобы кто-то тебя оклеветал, осудил, обругал, обесчестил и прочее, – и сам не делай этого ближнему твоему. Ты не хочешь всего этого себе – не хочет и он. Все, что зло для тебя, зло и для ближнего твоего. Когда ближний твой делает тебе то, чего ты не хочешь, – зло тебе делает, но когда и ты ближнему твоему делаешь то, чего он не хочет, – зло ему делаешь.

Если же гресишь против этого правила: «чего не хочешь себе», и прочее, – гресишь и против совести и закона Божьего и так обличаешься совестью и законом Божиим как законопреступник. Напротив того, хочешь, чтобы ближний твой в нужде твоей помог: голодного тебя накормил, жаждущего напоил, нагого одел, странствующего в дом принял и успокоил, и прочее, – хочет и он, чтобы ты помогал ему в нужде его. Делай же для него то, чего себе хочешь. Этому требует совесть и закон Божий. И это то, о чем говорит Господь: *во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки* (Мф. 7:12). Не делаешь ближнему своему того, чего себе хочешь, – гресишь против совести и закона Божьего. Держись же, христианин, этого правила: «Чего хочешь себе, делай это и ближнему твоему», – и будешь согласно с совестью и законом Божиим жить.

АПОСТОЛ

Братия, бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды. Все у вас да будет с любовью. Прошу вас, братия (вы знаете семейство Стефаново, что оно есть начаток Ахаии и что они посвятили себя на служение святым), будьте и вы почтительны к таковым и ко всякому содействующему и трудящемуся. Я рад прибытию Стефана, Фортуната и Ахаика: они восполнили для меня отсутствие ваше, ибо они мой и ваш дух успокоили. Почитайте таковых. Приветствуют вас церкви Асийские; приветствуют вас усердно в Господе Акила и Прискилла с домашнею их церковью. Приветствуют вас все братия. Приветствуйте друг друга святым целованием. Мое, Павлово, приветствие собственноручно. Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маран-афа (да будет отлучен до пришествия Господа). Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами, и любовь моя со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь.

(Чтение на воскресной Литургии – Первое послание к Коринфянам св. ап. Павла 16:13–24)

ЕВАНГЕЛИЕ

Сказал Господь притчу сию: был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнес его оградою, выкопал в нем точило, построил башню и, отдав его виноградарям, отлучился. Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды; виноградари, схватив слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями. Опять послал он других слуг, больше прежнего; и с ними поступили так же. Наконец, послал он к ним своего сына, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградари, увидев сына, сказали друг другу: это наследник; пойдём, убьём его и завладеём наследством его. И, схватив его, вывели вон из виноградника и убили. Итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями? Говорят Ему: злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои. Иисус говорит им: неужели вы никогда не читали в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла? Это от Господа, и есть дивно в очах наших?

(Евангелие от Матфея 21:33–42)

Архим. Ианнуарий (Ивлиев). Проповедь на апостольское чтение

Прочитаны заключительные слова Первого послания апостола Павла к Коринфянам, последняя черта под одним из самых замечательных писаний Нового Завета, итог всем мыслям и наставлениям, которые были высказаны в послании. Поэтому, несмотря на их внешнюю простоту, нам стоит к ним внимательно прислушаться. Вообще при чтении посланий святого апостола, нам всегда следует иметь в виду, что в них нет ни единого слова, сказанного из чистой риторики, ни единого слова, за которым не стояла бы конкретная живая мысль, отражающая жизнь тех людей, к которым апостол обращался со своими увещеваниями. Начиная с первых же строк послания, апостол останавливался на многих отрицательных аспектах церковной жизни коринфян и решительно призывал к их исправлению. Вот и эти заключительные наставления апостола только на первый взгляд могут показаться общими благими пожеланиями: «Бодрствуйте, будьте стойкими, верными, мужественными, крепкими, любвеобильными...». Разумеется, такие слова можно и нужно говорить всем, всегда и везде. Однако для коринфян они звучали не как обязательные слова школьного учителя. В них, по слову святого Иоанна Златоуста, апостол «укоряет их за беспечность. И потому говорит им: бодрствуйте, – как спящим; стойте в вере, – как колеблющимся; будьте мужественными, сильными, – как малодушным и слабым». Эти слова напоминают военные приказы. Быть бдительным, стоять твердо, быть мужественным, быть сильным – качества, необходимые воинам для отражения опасности извне. Но внутри церковного общества должна царить любовь: «все у вас да будет с любовью». Превыше всех Божественных даров – любовь. Именно от пренебрежения любовью произошли все нестроения Церкви. Еще раз обратимся к святому Иоанну Златоусту. «Если бы любовь, – говорит он, – не была пренебрегаема, то коринфяне не гордились бы и не говорили бы: «я Павлов», «я Аполлосов»; если бы любовь была между ними, то они не судились бы у внешних, или лучше – не судились бы вовсе; если бы любовь была между ними, то блудник не жил бы с женой своего отца, они не презирали бы немощных братьев, не имели бы разделений, не тщеславились бы духовными дарованиями».

Как бы комментируя, что означают на практике эти слова о любви внутри церковного общества, апостол приводит в пример семейство Стефана. Разумеется, любовь бесконечно многообразна. Однако в евангельском смысле она проявляет себя, прежде всего, в жертвенном служении ближним. Мы знаем, что апостол Павел крестил семейство Стефана (1:16). Он называет его большую семью «начатком», «первенцами», в святом крещении рожденными для Бога во Христе. Они – первые обращенные не только Коринфа, но и всей Ахайи, то есть Греции. И вот эти первые христиане греческой столицы посвятили себя служению святым, как именовались тогда все крещенные во Христа члены Церкви. Это «служение святым» состояло в делах милосердия, в гостеприимстве, во всевозможных добрых делах и помощи тем, кто в таковой нуждался. И по мере того как эти добрые люди стали служить своим братьям по вере, их деятельность стала выделять их из среды других христиан и внушать уважение. Церковное общество начало признавать в них черты истинного христианского руководства. Иначе говоря, здесь конкретно воплощалась заповедь Иисуса Христа: «Кто хочет между вами быть бóльшим, да будет вам слугою» (Мф 20:26). Или: «Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою» (Мк 9:35). Эти высказывания парадоксальны с точки зрения обычной земной практики «ветхого мира». Но таков иерархический порядок в новом мире, в Царстве Божием, в котором противоречие между

властью и подвластными, между господами и слугами, между первыми и последними исчезает в атмосфере любви и взаимного служения. Согласно этой новой заповеди, апостол Павел смотрел на руководство как на служение ближним, а тем самым как на служение Христу и Богу (Мф 25:40). Семейство Стефана «подчинило» себя служению коринфским христианам. В ответ на эту благодать, – призывает апостол коринфян, – «подчиняйтесь таким как они, и всем, кто разделяет их труды и заботы». Нет, это не обязанность рабов перед господами, работников перед работодателями или начальниками, но тот братский долг, о котором сказано: «Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви» (Рим 13:8).

Со времени, когда были сказаны эти слова, Церковь Христова прошла долгий исторический путь. Маленькая церковь в Коринфе середины I века не знала еще той развитой иерархической структуры управления, которая отличает современные многомиллионные христианские общества. Сейчас управление церковным обществом поручается людям, которые получили специальное богословское и пастырское образование, обладают известным даром проповеди и прочими свойствами, ценимыми в священнослужителях. А тогда все было еще в зачатке, и руководство в Церкви зависело не от образования, не от дипломов и разного рода степеней, даже не от природных способностей. Оно определялось благодатью Божией, которая оснащала руководителей основным даром – даром «быть слугами» верующих. Таковым было семейство Стефана, и мы не должны забывать об истинно христианском содержании руководства, подчинения и служения, которое нам явлено в этом святом «начатке» Ахайи. Нет ли здесь укора нам, современным христианам?

Свое послание апостол Павел завершает множеством приветствий. Этот перечень благопожеланий свидетельствует не только об успехе миссионерской деятельности «апостола языков», но и о том, что церкви того времени, эти маленькие островки христианства в океане язычества, были связаны постоянным памятованием друг о друге. Апостол стремился поддерживать эту связь, расширить кругозор христиан, не замыкаться на мелких провинциальных проблемах, но видеть себя как часть единого целого – универсального Тела Христова. Удивительно, что это ощущение всемирности, дыхание вселенскости присутствовало тогда, когда средства общения были еще столь слабыми и ненадежными. Сейчас, когда мы обладаем средствами коммуникации, несопоставимыми с античными, напротив, мы часто являемся свидетелями узости кругозора христиан, которые не знают, не видят, да и не желают видеть ничего за пределами их прихода, или, в лучшем случае, их епархии. И снова: не укором ли нам звучат слова апостола?

Продиктовав свое послание стенографу, Павел в конце добавляет собственноручное приветствие. И в этой приписке звучат слова, которые помогают нам понять основную причину отличия, древних христиан от современных. Нет, они не были более нравственны, более праведны. Но что в них присутствовало в значительно большей степени, чем у нас, показывает возглас апостола «Маранафа!». Этот арамейский возглас, скорее всего, означает то же, что и возглас, завершающий книгу Откровения, – «Гряди, Господи!». Произносимый перед причастием Телу и Крови Господа Иисуса, этот призыв отражал не только острое ощущение реального присутствия Господа в таинстве святой Евхаристии, но и горячую надежду на то, что таинство, тайна, неизбежно станет явью, и что Царствие Божие, которое на небе, придет, наконец, на нашу землю, о чем мы и молимся ежедневно. Маранафа!